

.....

*«Блажен читающий и слушающий
слова пророчества Книги сей»*

Откровение Иоанна

.....

В одну из ночей первого века, еще до рассвета, до рыбаков и четвертой стражи, Прохор с Учителем покинули город, приютивший их на много лет. Когда-то давно Учитель впервые пришел в Эфес вместе с Ней, спасая Ее от флагрумов — римских плеток с костяными крючьями на концах, которыми первоклассные палачи Нерона наловчились за пять ударов сдирать с человека всю кожу.

Город сначала подсунул Учителю своих бесноватых, и он изгнал бесов, потом больных — и он их исцелил, потом мертвых, и он их воскресил, но за все это неблагодарный город забросал его насмерть камнями. Тогда Учитель молитвой вызвал неслышанный зной, от которого в один миг сгнули двести из побивавших его, а сам он остался цел.

Он не смог умереть и в Риме, куда его привели в кандалах и заставили выпить чашу с цикутой, а потом бросили в кипящее масло, но на нем, чуждом тлению плоти, не осталось даже ожога. Когда все, с кем он вкушал хлеб и вино, отошли к Господу (включая самого Господа), Учитель, повинувшись чему-то неодолимому, так и не понятому Прохором, сам удалился в пещеру без пищи, и через много дней в этой пещере ангел открыл ему что-то совсем уже непонятное, страшное, то самое, что он теперь диктовал Прохору.

— Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы, — произнес Учитель, журуясь от низкого солнца, которое, при-

готоваясь язвить все живое, медленно поднималось над каменистой тропой, карабкающейся по холму.

— «И нет в нем никакой тьмы», — шепотом повторил Прохор, записывая на ходу. — А мы и сегодня не будем есть, Учитель?

— Я ведь просил тебя не называть меня Учителем. У нас только один Учитель. Неужели ты не понимаешь этого?

— Я понимаю, Учитель, — быстро сказал Прохор и тут же испуганно остановился. Учитель только устало махнул посохом.

— Разве мы не ели сегодня, отрок? — спросил он через минуту.

— Нет. И вчера не ели.

— А что же тебя не накормила торговка, которой ты всю ночь помогал переносить тюки?

— Она дала мне за это белый платок. Ты же сказал, Учитель, найти где-то белый платок, но не красть.

Учитель не отвечал. Позади серебрился Эфес, пожираемый завистью к своему прошлому и презрением к своему будущему. В прошлом здесь славно забивали камнями дочерей перса-градоначальника, и в честь победы над персами сам Александр Великий заложил первый камень в основание четвертого чуда света — храма охотницы Артемиды, а когда от Эфеса отказалась река, отравив его малярией, город отстроил сам себя заново далеко от презренной реки, ближе к благословенному морю.

В нашей эре Эфес стал вторым после Рима, только чище и интереснее Рима: таким чистым, что юноши любовались собой в его мраморных мостовых, как в зеркалах, а в городских уборных именитые горожане проводили дни в беседах и отдыхе от летнего зноя; таким интересным, что в одном из двух городских театров не

только гремели будничные гладиаторские бои, но и однажды бичевали Павла, называвшего себя Апостолом.

Покидая город, Прохор с Учителем еще не знали, что Эфесу предназначено было стать столицей новой империи, душой новой веры, подкравшейся к его виноградникам в пергаментных свитках Учителя, но он ей не станет, его обойдет выскочка-Константинополь; и сам город еще не чувствовал своего будущего бесчестия, когда он разнесет по камешку храм Артемиды, перетрет на известку статуи своих бывших богов, чтобы опять построить из этих камней и известки самого себя заново, догоняя ушедшую воду, потому что на этот раз от него отвернется море — в результате то ли землетрясения, то ли разочарования.

Всю оставшуюся дорогу Учитель молчал, только изредка произнося что-то вроде «и нет в нем никакой тьмы», и посох его стучал по сизым камням и стволам олив, на которых отдыхала еще не проснувшаяся саранча, а из-под встревоженного его поступью камня выстреливал скорпион.

Проходя мимо чахлой смоковницы, Прохор хотел было перекусить хотя бы ее плодами, но не нашел ни одного — и слава Богу, поскольку плоды смоковницы в это время незрелы, и их ядовитый молочный сок выжигает гортань.

Из-за склона навстречу вынырнул караван. Мулы, груженые тканями, побрякушками из хризопраза и ясписа и драгоценным шафраном, заняли всю тропу. Погонщик замахнулся на Учителя палкой, но тот опять промолчал.

С поддороги за ними пристроилось, жалобно бляя, стадо овец, потерявшее своего пастуха. Впереди, зазывая путников, трепетали длиннопалые ветки оливковой рощи, каменистый склон был выстлан розмариновыми

кустами и отцветавшей лавандой, над которой носились пчелы, и не было слышно ни каравана, ни проснувшегося Эфеса, налитого грохотом колесниц, грузеных повозок, базаров и площадей, где побивали камнями блудниц и пророков.

— Пришли, отрок. Дай заступ, — сказал Учитель.

Он остановился недалеко от старой оливы, у которой снизу, под сизыми листьями трепыхались полумертвые желтые. Олива напомнила Прохору брошенную собаку с базара, с такой же свалявшейся под брюхом желтой отжившей шерстью. У этого пса давно погибли все, к кому он когда-либо привязался, и стаю его перемучили ничего не знающие и оттого особо жестокие дети, — и Прохору стало жалко себя.

Как будто почувствовав это, Учитель сказал:

— Видишь лаванду? Когда все закончится, поищи себе мед.

— Что закончится, Учитель? — настороженно спросил Прохор.

Но Учитель опять промолчал и постучал заступом по земле. Земля отозвалась лязганьем камня и змеиным шипом песка. Утерев лицо рукавом своего выцветшего хитона, когда-то коричневого, а теперь грязно-бурого, как давно пролитая кровь, Учитель ударил заступом.

— Ты правильно записывай, Прохор. Они и без твоих ошибок все перепутают.

— Учитель, почему ты не даешь мне тебе помочь? — осторожно начал Прохор.

— Если ты будешь копать, кто же будет Слово Божье записывать? Я-то уж букв не вижу. А камни вижу пока.

— Потом запишу.

— Потом не получится. Время пришло.

Через час заблудившееся полупрозрачное облачко споткнулось о солнце и на минуту спрятало его, как

будто накрыло саваном. Солнце мгновенно перестало жалить, оставив только крахмальные ленты трех пыльных лучей между веток оливы.

Учитель, тяжело утерев пот, осторожно спустился в яму. Камни лязгали, против воли двигаясь под его ногами. Песок недовольно шипел.

— Для чего эта яма, Учитель? — спросил, наконец, Прохор, и лицо у него скривилось, как у младенца, собирающегося заплакать.

— А где платок, отрок?

Прохор, не смея повторить свой вопрос, достал из котомки платок, который ему отдала торговка. Учитель взял платок, подержал его, приложил к лицу. Поднял к небу седую голову и воскликнул радостно и торжественно:

— Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь.

— Это тоже записывать, Учитель? — спросил, давась комом в горле, Прохор.

— Тоже, тоже. Устал писать, отрок? Все. Это последнее слово. Уже больше ничего не будет... Ей, гряди, Господи Иисусе! Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.

Учитель вдруг воздел руки к небу и засмеялся по-детски: счастливо и бесспорно, — такого смеха Прохор никогда раньше у Учителя не замечал. Из-под седых ресниц пробивались скудные слезы.

— А теперь, — сказал Учитель, — подай чернильницу и перо.

Прохор, не смея перечить, молча протянул Учителю чернильницу и перо. Учитель небрежно бросил их в яму. Длиннопалые сизые ветки испуганно вздрогнули.

По ближайшей горе карабкался виноградник. Ровно в полдень слепящее солнце водрузилось на верши-

ну этой горы, венчая склон виноградника, и гора стала похожа на разодетого в пышный зеленый бархат мифического циклопа, о котором Прохору рассказывала гречанка-торговка.

Учитель подоткнул хитон, ощупал острые камни ямы, встал на колени. И вот тут Прохор не выдержал — разрыдался так, что позавидовала бы вчерашняя гроза над Эфесом, сорвавшая камышовую крышу с лачуги вдовы-христианки, приютившей Учителя с Прохором, в которой они спали на жестких циновках, когда возвращались с разбитыми пятками после проповедей в селениях, где им поначалу никогда не бывали рады, но Прохор знал, что к концу дня, когда закат уйдет за камышовые крыши, пытаясь поджечь их нижней горячей дугой, вдовы, сироты, калеки, а иногда и здоровые, сытые, будут, толкаясь, ползти за Учителем, спеша потрогать хоть край его оборванного хитона цвета давно пролитой крови.

— Все ли ты истинно записал, Прохор? Не пропустил ли ты главное, отрок? — не обращая внимания на рыдания Прохора, спросил Учитель.

— Главное? Что тут главное? — воскликнул Прохор, размазывая по лицу слезы и пыль. — Что у саранчи женские волосы и хвост скорпиона? Что у всадников хвосты из змей? Что животные исполнены очей спереди и сзади? Что все погибнет — и деревья, и реки, и море, и суша? Что тут главное???

Учитель закрыл руками глаза в белесых старческих бельмах.

— Ничего ты не понял, Прохор!

— Да никто ничего не поймет! — закричал, в отчаянии, Прохор. — Никто никогда ничего не поймет!

— Когда придут последние времена, все всё поймут, — устало сказал Учитель и значительно оглядел яму.

Прохор, вцепившись в оливу, как будто она могла быть спасением, зажмурил глаза. Он не увидел, а лишь догадался по лязганью огрызающихся камней, что Учитель улегся в свою могилу. Заблудившееся овечьё стадо душераздирающе бляло.

Учитель скрестил на груди руки, губы его затрепетали.

— Когда придут последние времена... — прошептал он. — А теперь пришло мое время. Сыпь, отрок!

Прохор оторвал себя от оливы, исцарапав лицо и погубив несколько длиннопалых веток, и закричал:

— Нет!!! Я не могу, Учитель! Не требуй от меня!

— Я ничего не требую, отрок, — сказал Учитель, чуть повышая голос. — Это Господь требует. Такова Его воля. Ты осмелишься ослушаться Его? Ты? Лучший из моих учеников???

Учитель накрыл лицо полупрозрачным платком. Дрожая всем телом, Прохор неслушающимися руками взял заступ, не в силах противостоять надвигающейся на него Божьей воле, которую он столько лет старался понять, но так и не понял.

Поначалу Учитель еще видел свет сквозь полупрозрачную ткань платка, накрывшего его, как облачко за час до этого накрыло солнце, но комья земли, песка и камней вскоре закрыли свет, и осталось только удушье, немногим мучительнее духоты перед вчерашней грозой, а наступившее после удушья бессилие почти походило на безмятежность, избавив Учителя, по крайней мере, от привычной бессонницы, прикормленной похотливой греческой похвальбой почтенных отцов семейств, которые входили на закате в библиотеку Цельса, и жены почтенных греков делали вид, что не знают о подземном ходе, прорытом от библиотеки напрямиком в бордель, откуда отцы семейств вывалива-

лись ближе к полуночи, уже не заботясь о том, что их кто-то увидит и кто-то осудит.

«Гряди, гряди, гряди», — стучало в висках. Потом стук отдавался глухим посторонним эхом, пока и эхо совсем не умолкло, и не исчезло душераздирающее блеяние заблудившегося овечьего стада, умолк заступ, умолкла кровь в пересохших жилах, и за мгновение до забвения Учитель увидел склонившееся над ним освещенное пыльным лучом лицо босоногого человека с длинными шелковыми волосами, странно шелковыми для бродяги, — то же лицо, что годы назад улыбнулось ему и сказало: «Брось свою рыбу и следуй за мной, Иоанн».

ЦИФРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РАЙОН

1

.....

Вместо чернил картридж 3D-принтера заполняют сфероидами — конгломератами живых клеток, принтер наносит их на подложку из биосовместимого материала слой за слоем — и получаются ткани и даже органы, аналогичные живым. В Корнеллском университете напечатали человеческое ухо.

Научный портал Techinsider, 2018 г.

.....

В один из последних дней последнего года последних времен, в Запретном Районе, у кипенно-белой реки, под сенью двустолой смоковницы, Альфа Омега вымесит из наношпательки хвост для святой свиньи, установленной в парке культуры и отдыха «Мифы народов мира», где, согласно генплану, человекоподобные должны будут проводить досуг после ожидаемого со дня на день конца света (в прямом, электротокковом, смысле слова).

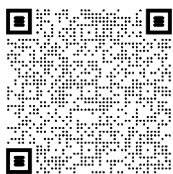
Идею посвятить парк развенчанию мировых религий когда-то настойчиво предложило ИЯ. Альфа Омега не стал возражать, да и какому нормальному человеку пришло бы в голову возражать ИЯ, а ведь Альфа Омега будет все-таки человек — точнее, и человек тоже. Впрочем, этот спорный вопрос пусть так и останется спорным.

Альфа Омега вздохнет, вытрет испачканные наноплателевкой руки, отопьет из старинной пластмассовой фляжки глоток стабилизаторов, утомленный возней с допотопным отечественным биопринтером (допотопным — в прямом смысле слова), и резко стукнет по нему, как в предпоследние времена стучали по телевизорам — когда в мире еще было полно телевизоров.

— Ах, же ты!.. Эмбрион нередактированный! — проворчит Альфа Омега.

Биопринтер в отместку несильно ударит Альфа Омегу током. Альфа Омега сложит ладони, как вы, читающие эти строки, складывали их для молитвы, когда в мире еще было кому молиться.

Неоновым светом вспыхнут вживленные в ладони цилиндрические чипы, без которых в последние времена нельзя будет ни купить, ни продать, ни работать, ни отдыхать, ни узнать, ни забыть, ни понять что бы то ни было, ни быть уверенным, что ты это правильно понял, ни жить, ни умереть — впрочем, умереть невозможно будет и с чипами.

*Илон Маск
и свинья Гертруда*

Чипы появились еще в 20-х, после того, как один из отцов-основателей вживил первый чип в голову свинье Гертруде [смотри QR-код], и она, таким образом, стала родоначальницей последнего человечества. Мог ли отец-основатель предположить, что Демократия присвоит свинье титул святой и поместит ее на свой международный герб, что на демократических орденах, как на монетах, вместо орла будет свиная харя, а вместо решки — свиной зад, что улыбающиеся портреты свиньи украсят в последние времена все до единой руины, уцелевшие после ядерной войны: от крошечных европейских парламентов до грандиозных китайских общественных туалетов. Рожка святой свиньи скалилась бы из каждого утюга, если бы Де-

мократия в целях экономии электроэнергии не запретила гладку, — и благодарное человечество станет ласково звать свинью «матерью рожьей».

— ИЯ! Найди мне нормальный японский принтер! — скажет Альфа Омега в сложенные ладони.

Из чипов послышится привычный бесполоый вкрадчивый голос ИЯ:

— Япония — это страна предпоследних времен, которая ушла под воду во время всемирного потопа, вызванного глобальным потеплением...

— Да в курсе я! Страна утонула, принтеры-то остались.

— Обратитесь к товароведу или завскладу, — отрежет ИЯ.

Альфа Омега, возмущенный таким бесполезным советом, буркнет:

— Как же ты осточертело...

С парящей над белой рекой двустволой смоковницы вспорхнет стайка волнительных попугайчиков и хором повторит:

— Осточертело, осточертело!

— Ты че такое дерзкое, а? — пропищит ИЯ и тут же добавит с вызывающей вежливостью автоответчика: — Оскорблять Искусственное «Я» запрещено Демократией. Штраф направлен в ваш личный кабинет. Еще два штрафа — и вы схлопочете наряд на дежурство в воскресенье море.

Альфа Омега сожмет губы, чтобы не ляпнуть еще что-нибудь и не схлопотать в самом деле наряд, и поправит бейсболку с нашивкой *Make love, not war*¹, найденную на одной из свалок Автономии Демократии, которую легко опознали бы те, кто жил в бывшей Америке в шестидесятые годы предпоследнего века — когда в мире еще была Америка.

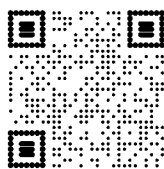
¹ Занимайся любовью, а не войной. Лозунг хиппи. — *Прим. авт.*

Выглядеть Альфа Омега будет как все последние люди — лишённые расы, пола и возраста правнуки предпоследних (ваши, собственно, правнуки): длинные, шелковистые волосы, правильные пропорции лица и тела, покрытые чем-то бархатно-смуглым — то ли безукоризненной кожей, то ли наноэпидермисом высшего сорта — впрочем, после всех ремонтов, в покрытии Альфы Омеги будет достаточно и того, и другого. В картотеке Демократии, хранящей ДНК и прочие заводские настройки всех постоянцев, особыми приметами Альфа Омеги будут значиться чуть опущенные вниз внешние уголки глаз, придающие им элегическое выражение, упрямые челюсти и ямочка на подбородке, скачущая по лицу, как солнечный зайчик, во время смеха носителя.

Как любой отредактированный эмбрион, Альфа Омега будет лишен видимых половых признаков: вы, читающие эти строки, могли бы принять его как за нежного юношу со средневековых полотен, так и за мощную девушку с советских агитплакатов; говоря языком Шекспира, Альфа Омега будет похож одновременно и на Ромео, и на Джульетту. В целом, это будет отборнейший экземпляр, последний из последних, и неспроста среди соловейских светил давно бродит слух, что Альфа Омегу синтезировали из безупречного эмбриона урожая лучшего, 2051-го года — года, когда закончилось все, включая войну, года, когда были официально объявлены последние времена.

Отборнейший эмбрион сорвет с двустволой смоковницы инжирину размером с помело и проследит, как на месте сорванной тут же вырастет новая. Ласково покачают головками остальные плоды смоковницы: полдюжины видов косточковых и полдюжины видов семечковых.

Принтер вдруг фыркнет, сообщая, что задание выполнено. Альфа Омега вытащит из духовки силиконовые формочки — такие, в которых вы, читающие эти строки, делали печенье для детей — когда в мире еще

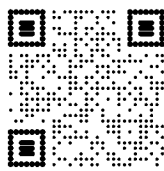
Умеренная орхидея

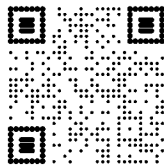
Лирохвосты

*Франческо
де Милано*

*Цвет «желтый
школьный автобус»*

Цвет «флаг ООН»

были дети.

Вынув из формочек изогнутый кольцами хвостик святой свиньи, Альфа Омега вытащит из рюкзака допотопный ноутбук, откроет архитектурское приложение и выберет там для свиного хвоста цвет «умеренная орхидея» [смотри QR-код]. После чего потащит умеренную орхидею в парк «Мифы народов мира».

Квартет загорелых австралопитеков настроит живых лирохвостов [смотри QR-код] и затынет на них мелодию лютни Франческо да Милана [смотри QR-код]. Сработает автоматическое включение благоухания полевых цветов.

Альфа Омега пройдет мимо полян с нарциссами цвета «желтый школьный автобус» [смотри QR-код] и гиацинтами цвета «флаг ООН» [смотри QR-код], мимо голой статуи самого Нарцисса, древнегреческого красавца, который отверг домогательства нимфы, несмотря на то что отвергать домогательства у древних греков считалось невежливым, и нимфа в отместку влюбила его в самого себя; мимо статуи Гиацинта — другого голого древнего грека, когда-то бывшего, видимо, еще смазливее, чем

Нарцисс, поскольку за ним охотились целых два бога; мимо строго взирающей на этот античный содом статуи Авраама (к счастью, не голого) с примостившейся к нему на колени смертью, иллюстрирующих миф о том, как, прожив почти тысячу лет, иудейский пророк отказался, видите ли, умирать, и архангелу пришлось его несколько дней уговаривать, пока смерть не перехитрила пророка, притворившись красавицей.

В центре, над всеми пророками и богами, вознесется святая свинья — гигантская статуя прародительницы Гертруды, покрытая наноэпидермисом высшего сорта, в чьем полом чреве с первоклассной акустикой, обитом розовым нанобархатом с пятью тысячами койкомест повышенной комфортности, разместится кинозал, где после переселения человекоподобные смогут смотреть обязательные просветительские передачи — если, конечно, на просвещение хватит света.

Из мегафонов, встроенных в пестики полевых цветов, раздастся одна из проповедей ИЯ, принудительная, как вентиляция в роскошных отелях предпоследних времен:

— Добро пожаловать в последние времена, лучшие времена человечества! Парк культуры и отдыха носит не только рекреационную, но и просветительскую функцию: всякий, сюда входящий, должен безоговорочно осознать, что все религии трогательны, красивы, похожи одна на другую, а главное — смехотворны.

Альфа Омега только пожмет плечами — он и без проповедей всегда понимал смехотворность описанного в древних мифах, да и какому нормальному человеку в последние времена приспичит читать древние мифы, как, впрочем, вообще читать — эта пещерная привычка стала излишней в эпоху, когда одряхлевшие слова уступили место дерзновенным цифрам. Для особо упрямых Демократия организовала программу ЛикРеасе (в на-